

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ
КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
«ПОЛИТИКИ ДЕТСТВА»***

К. Ф. Завершинский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается значение политической социализации детей для обеспечения поколенческой преемственности и устойчивости политических коммуникаций. Автор полагает, что доминирование исследовательской установки на процесс политизации детей как реализации институциональной и идеологической активности старших поколений по отношению к возрастному меньшинству ограничивает возможности понимания качественных изменений в современных коммуникациях. Размытие границ между «миром детства» и «миром взрослых» сегодня ведет к тому, что отношения между поколениями усложняются и приобретают высокую степень вариативности и произвольности. Диверсификация символического производства, умножение акторов современных политических коммуникаций, растущая вариативность политических идеологий и способов репрезентации политики актуализируют исследование политической социализации детей как специфической политической коммуникации, зависящей от особенностей пространственно-временного дизайна политических событий в тех или иных национальных сообществах. По мнению автора, это позволяет учитывать различия в восприятии значимости тех или иных политических событий поколениями и особенности позиционирования детей и молодежи по отношению к старшим. В этом случае смысл и содержание политической социализации не редуцируются к процессу адаптации детей к институтам и идеологическим режимам «взрослого общества», а предстают как процесс выбора и оспаривания молодым поколением коллективно значимых символов старшего. Решающую роль в исследовании политической социализации детей играет изучение влияния на нее динамики профилей легитимации национальной памяти, включающих разнообразные конкурирующие символические репрезентации образов прошлого и будущего, типологии героического, представления о вине и ответственности. Автор подчеркивает важность описания и прикладного анализа действенности символических структур национальной памяти и роли иконической власти в реализации политики детства на примере кинематографа США и современной России. Используя теоретические и практические экспликации современной культурсоциологии как методологическую основу, автор предлагает новый подход к изучению политической социализации детей и политике детства в современном обществе.

Ключевые слова: политическая социализация, политика детства, символические репрезентации, национальная память, профили легитимации, иконическая власть, образы детей в кинематографе.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

Если смена поколений не соответствует смене институциональных или культурных паттернов, то новое поколение склонно рассматривать общество как слишком консервативное или даже репрессивное [Giesen, 2004b, p. 31].

Структурное сопряжение феноменов детства и политики очевиднее всего проявляется в предметной области исследований политической социализации, где политическая социализация в раннем возрасте рассматривается как значимая стадия политического развития, ведущая к оформлению позитивных установок по отношению к политическим институтам и к сфере политических взаимодействий в целом. Несмотря на то что с момента начала комплексной научной концептуализации феномена политической социализации детей¹, связанной с выходом в свет работы Д. Истона и Дж. Денниса «Дети в политической системе» [Easton, Dennis, 1969], теория политической социализации детей неоднократно критически дорабатывалась, основные теоретические посылы в исследовании этого феномена, обозначенные американскими учеными, остаются значимыми доминантами для многих зарубежных и отечественных работ, выполненных в этой предметной области. Процессы политизации, политической персонализации, идеализации и институционализации при возрастной эволюции детей продолжают оставаться фокусом современных межпредметных исследований политической социализации, «политики детства» (politics of children and childhood) и символической репрезентации детей и детства в современной политической культуре.

В то же время очевидна необходимость существенной коррекции теоретико-методологических оснований исследований политической социализации детей. Проблема не только в культурной специфике естественно-исторического позиционирования «детей и отцов», на что обращал внимание еще Д. Истон, а в качественных изменениях способов позиционирования детей во «взрослом обществе» в реалиях современных политических коммуникаций. Мир переживает процессы трансформации национальных политических систем, сопровождающиеся не только политическими конфликтами, но и изменениями социо-

¹ Существуют многообразные варианты терминологии и временных градаций, используемые при описании детей и феномена детства в социологии, психологии, правоведении, педагогике, медицине. В своей основе настоящее исследование терминологически строится вокруг двух основных понятий, представленных в литературе социологического спектра, — *детство* и *поколение*, где детство и его символические репрезентации рассматриваются в основном в диапазоне политической социализации от 11 до 18 лет. Термин *молодежь*, используемый в статье, подразумевает процесс социализации, наступающей после детства и продолжающейся примерно до 25–30 лет. Понятие *взрослое, старшее поколение* употребляется в статье в достаточно широком контексте без спецификации процесса социализации в группах среднего, зрелого, старшего или пожилого возраста. Соответственно, термин *поколение* используется для характеристики состояния социального единства людей, родившихся в интервале примерно в 20 лет, социокультурная специфика общности которых интерпретируется в связи с коллективно значимыми событиями, повлиявшими на их трансформацию «из детства» во «взрослое состояние».

культурных параметров поколенческих общностей и способов их политической и гражданской идентификации. Семантическая диверсификация и эрозия ценностных компонентов политической социализации современных сообществ, вариативность и гибридизация политических идеологий и институтов, реализующих политику поколенческой преемственности, актуализируют исследование влияния противоречивой динамики современных политических коммуникаций и их символических репрезентаций на политическую социализацию детей. Очевидны и идеологические издержки позитивистской в своих основаниях теории политической социализации, когда все труднее верить в универсальность либерально-демократических версий политической социализации детей в реалиях растущей политизации молодежи и демонстрируемого ею недоверия к эффективности существующих политических институтов. Интернет-мем «они же дети» («онижедети»), порожденный украинским Евромайданом и легитимирующий деструктивную активность молодого поколения по отношению к существующим политическим институтам и образцам политического поведения, в той или иной мере стал не только значимым хештегом (hashtag) — символическим маркером русскоязычного сегмента молодежного Интернета, а прослеживается как семантическая составляющая протестных движений во всем мире в виде оправдания и обоснования массового участия детей в радикальных политических акциях.

Статья нацелена ответить на ряд вопросов, значимых, по мнению автора, для осмысления специфики процесса политической социализации в реалиях современных политических коммуникаций: *на какие теоретико-методологические посылки ориентируются современные исследования политической социализации детей и молодежи? В чем специфика исследования феномена политической социализации детей как коммуникативного процесса? Наконец, в чем значимость иконических образов и символов для политической социализации детей и молодежи и какую роль в этом играет кинематограф?*

ВАРИАТИВНОСТЬ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

В современных исследованиях политической социализации детей, на наш взгляд, можно проследить *две магистральные стратегии* изучения этого феномена и интерпретации специфики политизации детей и молодежи, их взаимодействия со «взрослыми». Обе стратегии так или иначе разделяют посылку, что теории политической социализации детей связаны с концепцией политической «зрелости» (*взрослости*) и спецификой отношений между «детьми», «молодежью» и «старшими поколениями» при оформлении и включенности этих социальных страт в политический процесс.

При этом *первая исследовательская стратегия* тяготеет к посылке, что существуют общие институциональные параметры процесса политической социализации, обусловленные тем, что отношения между поколениями всегда детерминируются иерархическими структурами (макроэкономическими, политическими и социальными), в рамках которых оформляются политические

ориентации и проявляется политическая активность детей. При этом задача политической социализации — обеспечение стабильности регулятивного влияния старших поколений на эту социально-возрастную страту для ее нормативной устойчивости. Разрушение иерархических структур подобного влияния рассматривается как некая аномалия и противоестественное состояние. Дети и молодые люди включаются в политическую жизнь и социальное конструирование политической культуры как «будущие», потенциальные граждане посредством существующих демократических институтов воспитания и образования, находящихся под контролем старших поколений. Эти институты, в свою очередь, детерминированы особенностями функционирования политико-правовых и идеологических институтов [Sears, Levy, 2013, p. 59–95]. В рамках этой теоретической установки политическая социализация и идентификация детей рассматриваются как политизация возрастного меньшинства, обусловленная в конечном счете политической активностью старших («совершеннолетних», «взрослых») поколений.

В основе *второй исследовательской стратегии* лежит посылка, что не существует универсальных нормативных характеристик политической социализации детей, поскольку они зависят от конкретных исторических, социальных, экономических и культурных условий, а репрезентация детства в политической культуре связана с особенностями восприятия поколениями пространственных и темпоральных границ политических коммуникаций, характерных для тех или иных сообществ на конкретном этапе их политической эволюции. Дети — это не только социобиологический, психологический или социально-экономический фактор общественной институционализации, но и социокультурная категория, поэтому концепции политической социализации и политики детства должны быть пластичны по содержанию и учитывать коммуникативную автономию детей и молодых людей. Подобный подход нацелен на то, чтобы уделять большее внимание «голосам» детей, их способности быть активными социальными субъектами коммуникативного процесса, способам включения или исключения молодежи из политики [Leonard, 2016]. Политическое «послушание» или уровень протестной активности детей зависит не только от институционального порядка, но и от пространственно-временного дизайна событийной ситуации, в которой они существуют. *Политику детства* при этом можно рассматривать как вариативные способы социального конструирования ожиданий ребенка, которые *категоризируются* и символически репрезентируются в национальной памяти сообществ в семантическом фокусе их значимости для политических коммуникаций.

Из этой парадигмальной установки в исследовании политической социализации детей следует, что дети не просто адаптируются к «взрослому обществу», но активно выбирают и оспаривают политические представления старших поколений посредством создания своих, нередко альтернативных субкультур и собственных нарративов политической идентичности. Так, например, быстрое распространение в России социальных сетей, в частности Instagram и YouTube, стимулировало появление такого явления, как детские и молодежные видеоблоги и специфические субкультуры, оформляющиеся вокруг их коммуникатив-

ной активности. Активными участниками подобных коммуникаций достаточно часто выступают представители молодого поколения, которые в соответствии с социологической номинацией относятся к категории детей. Такие блогеры все чаще являются действенными акторами политической социализации и нередко становятся символическими фигурами, своего рода прототипом некоего нового героизма, вступающими в острый семантический конфликт с образами героического прошлого старших поколений. Эти субкультуры сверстников не существуют независимо от мира взрослых и могут быть «присвоены» «взрослыми» политическими субъектами, но у них есть свой постоянный потенциал прямого и косвенного влияния на политический мир взрослых. Размывание границ между «миром детей» и «миром взрослых» ведет к тому, что отношения между поколениями усложняются и приобретают высокую степень вариативности и произвольности.

В отечественных исследованиях политической социализации современных детей и молодежи в той или иной мере можно проследить присутствие обозначенных выше стратегий. Первая стратегия, исходящая из посылки, что дети — «граждане в ожидании» и поэтому нуждаются в знании и практиках сбалансированного участия в политических процессах до достижения ими возраста официального включения в избирательный процесс, продолжает оставаться доминирующей. Исследования политической социализации детей идут в русле рефрена, что политическая социализация вообще и молодежи в частности — общественно организованный процесс. Политическая социализация детей осуществляется посредством политического образования и воспитания как относительно управляемая составляющая политической социализации, изучение которой предполагает уяснение взаимосвязей между различными сферами жизни общества [Головин, 2004; Коршунова, 2006, с. 48–51]. При этом анализ политики детства часто фокусируется на вопросах социальной политики как фактора обеспечения безопасности детей и реализации их социальной активности [Политика детства и юношества..., 2019; Политика семьи и детства, 2014].

Наиболее очевидно стремление к комплексному изучению процесса политической социализации детей и молодежи присутствует в современных политико-психологических исследованиях, где наряду с методологией институционального анализа и аксиологическим моделированием широко используются аппарат когнитивных исследований и социально-психологический анализ процессов символической репрезентации политического в сознании молодежи. Симптоматично, что в исследованиях такого рода отчетливо присутствует акцент на специфике идентификации молодежи и представителей старших поколений в современных политических коммуникациях, динамичности процессов «тотальной» политической социализации и ресоциализации в современном российском обществе [Шестопап, 2019, с. 9–20].

Прослеживается в современных отечественных исследованиях политической социализации молодежи и детей тенденция на ее трактовку как динамичного социокультурного феномена, связанного с влиянием коммуникативных процессов и высокой степенью автономии и амбивалентности символической политики в социальном конструировании политической идентичности детей

и молодежи. В работах подобного рода осмысляются методологические основания коммуникативных стратегий исследования политической социализации молодежи и детей, дискурсивные и символические репрезентации образа детства [Кирдяшкин, 2013, с. 185–188; Щербинин, 2009, с. 19–27]. Следует отметить появление работ и исследовательских проектов, которые нацелены на специализированное исследование образа детства в символической политике, где рассматривается роль символических репрезентаций детей на примере легитимации и делегитимации власти в социальном конструировании политической идентичности, артикулируется потенциал сакрализации символических проекций детства [Рябова, Рябов, 2019, с. 95–112].

Не подвергая значимость и перспективность исследования политической социализации детей и молодежи в контексте социокультурной динамики способов символического маркирования идентичности, следует заметить, что подобные исследования обращают внимание преимущественно на пространственные границы подобной идентификации, особенности символического позиционирования детей и молодежи в политическом поле. В то время как темпоральные измерения этого процесса и его коммуникативная тематизация, связанная с социальным конструированием смысловых образцов политических ожиданий (от чего, собственно, зависит степень автономности и действенности позиционирования детей и молодежи), часто остаются на периферии исследований.

В этом отношении представляет интерес методологическая позиция Б. Гизена, который полагает, что социологический взгляд на коммуникативную динамику социальной жизни, в особенности на современную, должен быть существенно скорректирован в контексте модели «асинхронности» («разновременности»). Эта парадигма, по его мнению, способна преодолеть инерцию модернистской модели, рассматривающей общество как систему взаимосвязанных подсистем, которые в идеале должны быть плотно соединены друг с другом (обмениваться информацией точно и вовремя) и последовательно преодолевать несовершенство прошлого и сбои в координации систем [Giesen, 2004b, p. 27–40]. Социальная жизнь в контексте подобной исследовательской установки не работает согласно функционалистскому и прогрессистскому сценарию. Важно учитывать асинхронность («разновременность») различий в восприятии социального времени поколениями и связанную с этим значимость для них тех или иных социальных событий и способность людей к взаимной адаптации. Именно подобная «разновременность» ведет к тому, что новые поколения могут рассматривать институциональные нормы и образцы предыдущего поколения как «устаревшие», нуждающиеся в радикальных преобразованиях. В стремлении сохранить поступательность в эволюции социальных институтов и культурных образцов из прошлого в настоящем и будущем поколения часто сталкиваются с групповыми различиями в своих временных горизонтах, восприятии значимости ключевых событий прошлого. То, что одно поколение помнит как победу, другим поколением или группой людей, живущей в отличном горизонте времени, может восприниматься как поражение или малозначимое событие. Молодое поколение

может быть ориентировано на собственные, значимые для них «события», в частности — массовое участие в радикальных протестных акциях, или во-ображаемые объекты «успешного» существования в настоящем и будущем. Это может привести к существенной эрозии и разрушению границ понимания внутри социума. К тому же экстраординарные политические события в жизни нового поколения, подростков могут стремительно вывести их из «тени» политического опыта предшествующих поколений и принудить действовать самостоятельно, стимулировать действия по радикальному переформатированию существующих культурных образцов и институтов. Политические дискурсы о детях и детстве, о том, как они вписываются в социальные, культурные, экономические, политические и правовые коммуникации, всегда связаны с вариативными контекстами времени у акторов подобных дискурсов.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ

В связи с обозначенными выше теоретико-методологическими особенностями предметной области исследований политической социализации детей как специфической политической коммуникации актуальным для интерпретации этого процесса, на наш взгляд, представляется понимание *политической социализации как социокультурной динамики темпорального структурирования политических коммуникаций*.

В свое время известный немецкий социолог Н. Луман заметил, что социализация — это всегда «самосоциализация», поскольку базируется не на «переносе» смысловой модели от одной системы к другим, а на коммуникативном процессе социального взаимопроникновения (понимания). Участие в этом коммуникативном процессе либо в качестве источника информации, либо в роли «передатчика сообщения», либо в качестве «принимающего» и «понимающего» есть основа всякой социализации [Луман, 2007, с. 319–321]. Коммуникацию как возникновение / разрушение смыслового единства (понимания) никогда нельзя целиком сводить к целеполаганию взаимодействующих, поскольку действия, интересы и мотивы в процессе коммуникации обретают новое смысловое измерение. Социализируют не действия, а событие коммуникативного понимания / непонимания и его символические репрезентации.

В этом контексте политическая социализация детей не только некий продукт целенаправленной политики детства или организационного противодействия ей. Успех или неуспех политической социализации детей и молодежи предопределяется в значительной степени тем, как происходит процесс становления межпоколенческого коммуникативного понимания. Анализ социального конструирования символических границ поколений предполагает выход за рамки трактовки политической социализации как социокультурной динамики ценностно-нормативных предпочтений или организационной активности. При социальном конструировании диалога между возрастными сообществами важно учитывать различия в понимании ими значимого прошлого, настоящего и будущего, особенностей их коммуникативного «связывания» в символических структурах многообразных коллективных представлений.

В современных коммуникативных реалиях актуализируются теоретические посылки социологии дискурсивных и символических измерений политической социализации, получившие свое развитие в современной культурсоциологии и антропологии политики и нацеливающие на изучение символических кодов и базовых нарративов политической идентичности, обеспечивающих солидарное существование в комплексных обществах.

Политическая социализация в современных обществах, о чем свидетельствует современная коммуникативная реальность, продолжает в значительной степени определяться процессами национальной идентификации. В связи с чем, по мнению автора, сохраняют актуальность теоретические посылки, обозначенные Ш. Эйзенштадтом и Б. Гизеном, которые полагали, что при исследовании исторической динамики *внутригруппового и внешнего* позиционирования национальных сообществ, наряду с такими измерениями, как социальная дифференциация, контроль над распределением ценностей и институционализация, важно учитывать символическую специфику пространственного и временного кодирования границ подобных сообществ [Eisenstadt, Giesen, 1995, p. 72–102; Eisenstadt, 2002, p. 3–12]. Национальная идентичность, как и иные формы коллективной идентичности в комплексных обществах, нуждающихся в поколенческой преемственности, возникает при социальном конструировании символических границ сообществ на основе символизации процессов включения / исключения «других» из этих сообществ. Подобное различие предполагает эволюцию и усложнение символических кодексов этого различия от примордиальных и сакральных к гражданским, которые возникают при специфическом пространственно-временном маркировании в комплексных обществах. Радикальное переформатирование подобных кодов и семантическая эрозия, умножение метанарративов национальной идентичности очевидно наблюдаются в современном политическом пространстве.

У многих национальных общностей в современном мире существуют политические, экономические, социальные границы, но при этом очевидно нарастает неопределенность в символических границах, связанных с динамикой социальной памяти под влиянием современных коммуникаций. Процессы, происходящие в современной социальной памяти, все чаще являются решающими «символическими триггерами» политической социализации, производства идентичностей, интересов и значений во времени, а не только статическим отражением эволюции институциональных структур или ценностных предпочтений культурных и политических элит при организации политической социализации, политики детства и молодежной политики.

Исследование символической динамики процесса политической социализации в контексте культурсоциологии предполагает анализ темпоральных режимов и исторических форм, уровней национальной памяти [Ассман, 2017], «прагматики» ее мнемонических практик и продуцирования символических кодов публичного пространства [Alexander, 2006a, p. 29–89; Alexander, 2012a, p. 6–30; Alexander, 2006b, p. 45–68]. Важной предметной областью исследования «работы» национальной памяти по продуцированию и разрушению национальной идентичности становится изучение специфики ее «символических

фигураций», отражающих меняющиеся отношения между прошлым и настоящим. Эти отношения обусловлены взаимосвязью конфликтной борьбы «памятей», конкуренции жанров и профилей легитимации [Olick, 2016, p. 36–76].

Решающую роль в исследовании политической социализации детей, на наш взгляд, играют описание профилей легитимации национальной памяти, исследование конфликтной динамики ее символических контуров, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возникновения и умножения конфликтов идентичностей. Все эти элементы так или иначе определяют направленность политической социализации детей и молодежи, а их конфликтная динамика может стимулировать политизацию молодежи, ориентированную на радикальное переформатирование профилей национальной легитимации.

Интерпретируя антропологические основания символических репрезентаций границ коллективной памяти, динамику процессов сакрализации / десакрализации в контексте таких идеал-типических концептов, как триумф и травма, Б. Гизен артикулировал четыре основные символические фигуры, лежащие в основании национальной идентичности, — герой-триумфатор (*triumphant hero*), трагический «жертвенный» герой (*tragic hero*), жертва (*victim*) и преступник (*perpetrator*) [Giesen, 2004a]. Развивая теоретические основы этой феноменологии героизма и жертвенности, он интерпретирует процесс перехода от героизма к жертвенности в коллективной идентичности современных обществ, констатируя на примере Европы, что в «западной цивилизации» в процессах национальной идентификации прослеживаются «гибель героизма и рост жертвенности» [Giesen, 2013, p. 75–90]. Это размывает бывшее ранее более отчетливым маркирование сообществ на «героические» и «преступные», репрезентация «жертвенного» и «преступного» ведет к дискурсивным расколам в процессе политической социализации. Эти теоретические посылки, на наш взгляд, весьма эвристичны не только для анализа профилей легитимации национальной памяти, но и для понимания процессов виктимизации и дегероизации, которые все интенсивнее охватывают молодое поколение и стимулируют его протестный потенциал в национальном пространстве Европы и США. Кроме того, репрезентация образа ребенка в культурном производстве политического так или иначе воспроизводит эту модель в виде образов детей — героев и невинных жертв.

Значимой в исследовании политической социализации как коммуникативного процесса является проблема действенности ее символических структур, их способности воплощаться в повседневности и порождать мобилизующий, пассионарный эффект. Социальная память — процесс конфликтного производства интересов и значений во времени, а не статическое их выражение [Olick, 2016, p. 36–76]. При этом важно учитывать автономию и спонтанность социальной памяти как динамичного «принуждения к действию» посредством комплекса ее символических фигураций, легитимирующих «борьбу за власть». Ядром этого семантического процесса является соотнесение «реальных» «неотлож-

ных вещей» с тем, что фактически создает смысл, — «с системами символов» [Александр, 2009, р. 72], порождающих сакральные объекты [Alexander, 2006a, р. 29–89; Alexander, 2012b, р. 25–39].

В современной культурсоциологии и близких к ней по интеллектуальной интенции исследованиях действенности символических форм на уровне повседневности получила развитие концепция «иконического» опыта, «иконического сознания», «социального бессознательного», «чувственного сознания» как посредника, медиатора между более абстрактными символическими репрезентациями и повседневными представлениями, обремененными телесным, «материальным» опытом существования. Для иконических знаков характерно отображение объектов с высокой степенью приближения к их телесно-чувственным воплощениям. В иконических образах и их символических репрезентациях происходит сочетание смыслов профанного и сакрального, что придает им особую действенность. При этом подчеркивается, что иконические образы и символы не только не утратили своей действенности в современном обществе, а благодаря современным коммуникациям усиливают свое влияние. Иконическая власть, иконические образы, отмечает Дж. Александр, могут действовать без помощи других сил. Оформившись, они обладают силой, независимой от процессов, которые произвели их. В современном обществе процесс продуцирования иконических образов диверсифицирован, а поэтому постоянно ускользает от контроля официальных организаций [Alexander, 2012b, р. 34–35].

На подобные аспекты обращает внимание и итальянская исследовательница Кьяра Боттичи, которая, решая проблему снятия дихотомии воображения как субъективной и объективной способности человека в политических взаимодействиях, вводит понятия политической имаджинерии (*imaginary*) и имаджинального (*imaginal*). Они призваны описать процессы, связанные с продуцированием коллективно значимых образов и символов, выступающих источником чувства политической реальности, «политической телесности». Политические коммуникации, как полагает она, достигли критического порога в своих количественных и качественных изменениях в продуцировании «имаджинальных» образов, когда они не только опосредуют политическую деятельность, но претендуют на то, чтобы заниматься политикой вместо нас [Bottici, 2014, р. 178; Bottici, 2019, р. 433–441].

Иконические образы и символы «оповседневнивают» более рациональные или абстрактные сакральные формы символической репрезентации политического, трансформируя их в мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений. При этом символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности посредством символизации событий героического и жертвенного. Это принципиально значимо для процесса политической социализации детей, поскольку чувственно-образная компонента на этом этапе социализации занимает весьма значимое место в когнитивном развитии и процессе включения в социальные коммуникации.

**ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ
В КИНЕМАТОГРАФЕ США И РОССИИ**

Обозначенные теоретико-методологические основания анализа социокультурной динамики «работы» социальной памяти и ее роли в процессах социализации позволяют сделать некоторые значимые, на наш взгляд, практические экспликации в связи с политической социализацией детей на примере символических репрезентаций периода холодной войны и их дискурсивных проекций в настоящем в американском и российском кинематографе.

Несмотря на возрастание роли иных аудиовизуальных средств коммуникации, участвующих в процессе социализации детей и молодежи, современный кинематограф, используя новые коммуникативные технологии массмедиа, остается одним из эффективных способов продуцирования иконических образов и символов при политической социализации детей и реализации политики детства в конкретных обществах. В частности, анализ политических аспектов кинопродукции позволяет говорить о сложных процессах пролонгированного влияния их символического содержания на формирование политической идентичности поколения. Важным является и то, что зарубежное и отечественное кинопроизводство располагает новыми технологическими ресурсами влияния на политическую социализацию, социальное конструирование морально-политических образцов действия. Кинематограф, как справедливо отмечают многие авторы, остается важным символическим ресурсом социального конструирования, поскольку дает возможность построения визуальных моделей альтернативного общественного развития, утопий и антиутопий, новых образцов человеческого поведения в различных социальных средах, в том числе и в политической [Лапшин, 2015, с. 44–47].

В контексте культурсоциологических концепций иконической власти кинематограф можно рассматривать как важный способ ее реализации, а его иконические формы влияют на участие детей и молодежи в политических коммуникациях, развивая чувство солидарности и порождая новые формы политико-культурной иерархии. Фильмы и телевизионные адаптации литературных текстов для детей играют существенную роль в культурном воспроизводстве и политической социализации, представляя собой богатый ресурс для изучения процесса передачи и адаптации идеологических ценностей и моделей поведения.

Выбор кинематографии периода холодной войны не является случайным. В этот период чувственные образы детей, воплощающих символизм сакральной жертвенности и жертвенного героизма, требующих отмщения, часто присутствуют в фильмах с политическим контекстом, влияя на процесс политической социализации и одновременно репрезентируя его. Образы ребенка в фильмах отчетливо воспроизводят проблемы политической социализации детей. В то же время они семантически нацелены на преодоление идеологической противоречивости образов взрослых, конструирование общего нарратива противостояния беспощадному и жестокому врагу, легитимируя использова-

ние насильственных действий по отношению к нему. Кроме того, на наш взгляд, современные проблемы политической социализации детей в американском и российском обществах так или иначе связаны с ее кризисом, начавшимся в этот период, когда две сверхдержавы достигли апогея своего политико-идеологического могущества. Обращение к этой эпохе, на наш взгляд, позволяет проследить нарастающую темпоральную асинхронизацию представлений поколений о значимости тех или иных политических событий как во внешнеполитическом плане, так и внутри сообществ.

Интерес в связи с этим представляет сравнительный анализ фильма «Красный рассвет» («Red Dawn», 1984, реж. Дж. Милиус) и одноименного ремейка этого фильма (2012, реж. Д. Брэдли), вышедшего в российском прокате под названием «Неуловимые». В нашем случае сравнительный анализ этих фильмов интересен с точки зрения как состояния специфического сегмента национальной памяти США и России, так и социокультурной динамики «патриотического жанра», изменения фигураций «памяти о холодной войне» в силу постепенного переформатирования профилей легитимации «образа врага» в политической культуре США.

Оба фильма повествуют о партизанской войне подростков и представителей молодого поколения против жестокого врага, в ходе которой происходит символическая трансформация рядовых американских школьников, юношей и девушек, в патриотов-героев. Несмотря на серьезную критику фильмов в аспекте их эстетической значимости и антигуманистической направленности, кинокритики и зрители в США и за рубежом признали их, особенно первую версию «Красного рассвета», репрезентативными не только в качестве образца символической продукции, обусловленного «духом» и стереотипами холодной войны, но и с точки зрения политической прагматики использования символического капитала в легитимации активности, мобилизации консервативных кругов и групп влияния [Shaw, 2007, p. 276].

Важно также учитывать, что эти фильмы отличает отчетливый семантический фокус на репрезентацию образов детей и молодежи с очевидным политическим контекстом, они вписаны в общий контур дискурса борьбы с терроризмом, обеспечивающий жизненность продуктов в культуре следующих поколений, поскольку этот дискурс и по сей день остается значимым для американского общества. Тема терроризма актуализируется в американском кинематографе в 80-е гг., и хотя в фильмах этой направленности дети не выступают главными политическими субъектами, косвенно в них эксплуатируется образ ребенка. Хотя большая часть американского «кинематографа терроризма» оставляет на периферии политическую рефлексию, концентрируясь на зрелищной психодраме самоопределения личности в процессе участия в террористических актах или противостояния им, в целом такие фильмы ориентированы на конструирование образа злобного врага, чужака, сеющего насилие на американской земле и угрожающего американскому образу жизни, жизни детей и женщин. Как замечает один из исследователей фильмографии терроризма в американском кинопроизводстве, появление подобного рода фильмов свидетельствует о динамике в политических представлениях американского общества. За этими фильмами стоит

драматургия национального превосходства, поскольку Америка, несмотря на ее достижения в вопросах внутренней и внешней политики, начинает все чаще сталкиваться с политическим противодействием [Cettl, 2009, p. 10–11].

Показательны в этом отношении фильмы режиссера, сценариста и продюсера многих боевиков Джозефа Зито, отличающиеся ярко выраженным нигилизмом и презрением к человеку. Весьма иллюстративен его фильм «Вторжение в США» (1985) с участием Чака Норриса, где террористы по приказу из Советского Союза с помощью кровавых актов против мирного населения стремятся сокрушить американскую демократию [Cettl, 2009, p. 161]. Этот фильм отчетливо коррелирует по своей семантике и символизму с фильмом «Красный рассвет» Джона Милиуса. В фильме Д. Зито дети представлены как невинные жертвы террористов, их образы используются для того, чтобы дегуманизировать образы преступных врагов, готовых взорвать школьный автобус и заживо сжечь детей и женщин в их домах, что символически оттеняет гражданские достоинства главного героя — патриота, спасающего невинных.

Характеризуя символические репрезентации «памяти о холодной войне» в этих фильмах, можно сделать несколько принципиальных, на наш взгляд, выводов. Память о холодной войне оформилась как важный устойчивый сегмент национальной памяти США, обусловленный потребностью в артикуляции дискурса героического патриотизма и поисками его «праведного» нарратива как способа консолидации нации с целью преодоления рисков, опасностей разрешения травматических ситуаций [Huddy, Khatib, 2007], межпоколенческих разломов 60-х годов. Именно в рамках этого нарратива происходит символическая репрезентация участников партизанского движения в «Красном рассвете», которая стимулирует дискуссии о символической значимости этого фильма и жанровой устойчивости подобной кинопродукции и патриотической риторики в настоящем.

Внешний, «террористический» контур профиля легитимности национальной памяти США, на наш взгляд, вызвал к жизни ремейк «Красного рассвета» в 2012 г., но уже в реалиях трансформации «образа врага» и борцов с ним в связи со сменой дискурса «империи зла» на дискурс «оси зла» в политической риторике американских политических элит [Gentile, 2008, p. 83–85]. Для этих двух профилей легитимации характерен акцент на доминировании образа «ребенка-героя» как «последней надежды», символизирующей поиски перспективного измерения модальности героического при новой актуализации этого измерения в рамках профиля «оси зла». При этом режиссер пытался учесть особенности самопрезентации молодежи на новом витке их политической социализации.

Сегодняшняя коммуникативная реальность США показывает, что процесс символической репрезентации героического, обозначенный в 80-е и 90-е гг., не привел к ожидаемому социализирующему эффекту. После распада Советского Союза во внутривнутриполитическом пространстве США дискурс героического в политической социализации детей и юношества стал трансформироваться в дискурс виктимизации в связи с размыванием границ в символических репрезентациях детей и молодежи. В настоящее время достаточно очевидны кризисные

изменения во внутреннем профиле легитимации национальной памяти США, обусловленные в том числе и рассогласованностью темпоральных горизонтов поколений в процессе политизации расовых, гендерных, социальных проблем и, соответственно, реактуализацией процессов символизации образов «жертвы», «преступника», «внешнего врага». Это достаточно отчетливо прослеживается на фоне последних расовых волнений, сопровождаемых радикальным переформатированием фигур героического, жертвенного и преступного. Тенденцию на «смерть триумфатора-героя» и сакрализацию «жертвы» можно проследить в перевертывании символических фигур в процессе массовых протестных движений.

Очевидно, что политическая социализация детей в пространстве современной России и Америки отличается по своей динамике и контекстам политической социализации и репрезентации образа ребенка. Для анализа специфики профиля легитимации национальной памяти современной России и его влияния на поколенческую динамику и политическую социализацию детей, выявления ее специфики по сравнению с кинопродукцией США принципиальным является обращение к различиям в событийной структуре политической социализации. Процессы политической социализации и ресоциализации детей и молодежи в современной России связаны с символическим переформатированием границ сообщества в процессе распада Советского Союза и декодированием, делегитимацией структур его политической памяти. Именно эти события стали «символическим триггером» процессов символического кодирования, конкуренции политических нарративов поколений и драматического поиска объединяющего нарратива гражданского патриотизма, адекватного социокультурным особенностям эволюции социальной памяти российской цивилизации. Подобная динамика политических коммуникаций неизбежно породила диверсификацию и рассогласование временных горизонтов поколений, что проявилось в символических репрезентациях образа ребенка в российском кинематографе.

Кризисные явления, предпосылки «разновременности поколений» в процессе политической социализации детей и молодежи начинают прослеживаться в социокультурном пространстве периода «развитого социализма» как специфического этапа в эволюции политической системы Советского Союза, что репрезентируется в образах детей, характерных для этого периода. В отличие от США, где в этот период в кинематографе прослеживается тенденция на артикуляцию дискурса патриотизма, в Советском Союзе конца 80-х гг. начинается символическая инфляция советского метанарратива героики социалистической гражданственности в настоящем и постепенно исчезает артикуляция присутствия детей в политическом пространстве, за исключением фильмов о Великой Отечественной войне, обращенных к прошлому. Образ ребенка, репрезентирующий настоящее периода «развитого социализма», постепенно деполитизируется. Исчезают образы «неуловимых мстителей» и борцов с иностранными шпионами, характерные для начальных этапов холодной войны. Советские дети в фильмах позднего социализма спасают животных, борются с инопланетными персонажами, обучают роботов, что свидетельствует

о том, что социально-политические аспекты их общественного существования постепенно приобретают периферийный характер («Приключения Электроника», 1980; «Сказка о звездном мальчике», 1983; «Гостя из будущего», 1984, «Остров ржавого генерала», 1988). Семантически начинает акцентироваться значимость индивидуализированной дружбы, любви, появляется дихотомия ребенка-«ангела» и прагматичного, в чем-то циничного, укорененного в повседневной жизни «маленького взрослого» («Вам и не снилось», 1981; «Каникулы у моря», 1986; «Чучело», 1983; «Пацаны», 1983; «Курьер», 1986).

В реалиях перестройки происходят окончательная деконструкция советского профиля легитимации и десакрализация политического образа ребенка. На смену образам детей, так или иначе воплотившимся в таких реальных персонажах, как Екатерина Лычева или ее семантический американский аналог Саманта Смит, апеллировавших к мировым лидерам и боровшихся с детской непосредственностью за мир, приходят амбивалентные и драматические образы детства периода социальной аномии и прототипы отечественных «грет тумберг» и «успешных» в самоутверждении любой ценой молодых героев («Забавы молодых», 1987; «Дорогая Елена Сергеевна», 1988; «До первой крови», 1989; «Школа», 2010).

Ситуация гибридизации культуры, в которой Россия оказалась в связи с открытием политико-идеологических границ, привела, как и в других странах, к появлению культурных текстов, противоречащих друг другу идеологически, и породила многообразные амбивалентные образы детей: невинных существ, нуждающихся в защите от враждебных сил циничного мира политики и экономики, и одновременно носителей новых проекций непредсказуемого и фантазийного будущего, наполненного монстрами [Screen adaptations..., 2018]. Это стимулировало появление репрезентаций «ребенка нового типа», который обвиняет, культивирует во взрослых чувства вина и стыда, требует возмездия и отрицает существующий социальный порядок взрослого мира. Симптоматично, что в весьма обстоятельном современном исследовании состояния детского кино в современной России при анализе особенностей восприятия фильмов и жанровых пристрастий, несмотря на амбициозный заголовок «Детское кино: формирование человека и гражданина», констатируется, что в ценностных профилях отечественного кинопроката отсутствуют отчетливые доминанты гражданственности. В описании ценностных профилей кинематографической продукции обнаруживается, что гражданская направленность носит периферийный характер [Детское кино..., 2016].

Можно согласиться с мнением тех авторов, которые, опираясь на социологические исследования предпочтений и ожиданий современных школьников и молодежи, констатируют, что у современного поколения при декларировании патриотизма реально прослеживаются парадигма «я никому ничего не должен» и стремление к самореализации в карьере, присутствуют слабое знание и понимание политических проблем и истории страны при обостренном чувстве социальной справедливости [Проект..., 2019; Касамара, 2020]. Подобные исследования фиксируют низкий уровень политизации детей, несмотря на регулярную артикуляцию представителями «взрослого поколения» социальной потребности в молодежном активизме. Однако, как показывают поколенческие

расколы в странах Европы и США, на Украине и в Беларуси, наблюдаемая политическая аномия может внезапно обратиться резкой и спонтанной активностью молодежи по делегитимации существующих социальных институтов. Достижение динамичного согласия поколений в современном российском обществе нуждается не только в развитии организационных ресурсов политической социализации или патриотических кампаниях по поддержанию значимости героического прошлого, но и в политике социального конструирования будущего, его событийного содержания — реального и воображаемого, способного вывести ожидания молодежи за горизонт «событий» потребительской повседневности и радикального нигилизма по отношению к старшим поколениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантическая диверсификация и эрозия ценностных компонентов политической социализации современных сообществ, вариативность и гибридизация политических идеологий и институтов, реализующих политику поколенческой преемственности, актуализируют проблему существенной коррекции исследовательских парадигм изучения процессов политической социализации детей и молодежи в современном обществе. На наш взгляд, более традиционная исследовательская стратегия в изучении политической социализации детей как политизации возрастного меньшинства («будущих», но «не настоящих» граждан), обусловленной политической активностью старших («совершеннолетних», «взрослых») поколений, должна быть дополнена исследовательскими стратегиями, которые интерпретируют политику детства как комплекс символических практик социального конструирования ожиданий ребенка, которые *категоризируются* и символически репрезентируются в национальной памяти сообществ в семантическом фокусе их значимости для политических коммуникаций. Из этой парадигмальной установки исследования политической социализации следует, что дети и молодежь в реалиях современных коммуникаций не просто адаптируются к институтам и идеологическим режимам «взрослого общества», а активно выбирают и оспаривают политические представления старших поколений посредством создания своих, нередко альтернативных, нарративов национальной идентичности.

Подобная политическая социализация детей обусловлена динамикой темпорального структурирования в пространстве политической памяти современных сообществ, а успех или неуспех политической социализации детей и молодежи предопределяется в значительной степени тем, как происходит процесс становления межпоколенческого коммуникативного понимания, связанного с различиями в дизайне символизации значимого прошлого, настоящего и будущего. Решающую роль при этом, на наш взгляд, играет исследование профилей легитимации национальной памяти, конфликтной динамики ее символических контуров, включающей разнообразные конкурирующие смысловые компоненты (образы прошлого, политические характеристики элит, типологию героического, представления о долге, вине и ответственности, приоритетные стратегии и практики борьбы с «врагами»), определяющие характер возник-

новения и умножения конфликтов идентичностей. Все эти элементы так или иначе определяют направленность политической социализации детей и молодежи, а их конфликтная динамика может выступить семантическим триггером политизации молодежи, направленной на радикальное переформатирование существующих профилей национальной легитимации.

В контексте культурсоциологических исследований прагматики, действительности символических аспектов политической социализации детей и молодежи кинематограф является важным способом реализации иконической власти, а его иконические формы влияют на участие детей и молодежи в политических коммуникациях, культивируя / подавляя чувство солидарности и порождая новые формы политико-культурной иерархии. Фильмы и телевизионные адаптации культурных текстов для детей играют существенную роль в культурном воспроизводстве и политической социализации, представляют собой богатый ресурс для изучения процесса социального конструирования и тиражирования идеологических ценностей и моделей поведения.

Обозначенные выше тенденции в политической социализации детей и способах их символической репрезентации в национальной памяти на примере кинопродукции США и России свидетельствуют о нарастании процесса конфликтной борьбы «памятей», столкновении «политик памяти» вследствие конкуренции жанров и профилей национальной легитимации как внутри этих обществ, так и во внешнеполитическом их позиционировании. Современные общества переживают динамичный процесс смены профилей легитимации национальной идентичности, сопровождающийся противоречивой динамикой символических контуров национальной памяти, конкуренцией образов прошлого, переформатированием символических фигур героического, представлений о долге, вине и ответственности за события прошлого и настоящего, что стимулирует возникновение и умножение конфликтной динамики не только во внешнеполитическом контуре этих сообществ, но и в межпоколенческих коммуникациях.

Литература

Александр Д. С. Демократическая борьба за власть: президентская кампания США 2008 года // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 1. С. 62–72.

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.

Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 288 с.

Детское кино: формирование человека и гражданина / общ. ред. А. О. Лужин, А. А. Наумова, Ю. С. Трифонова, К. М. Колкова, Я. Р. Альмухаметова, Д. В. Лавриненко. М., 2016. 68 с.

Касамара В. У «поколения Путина» зачастую жива парадигма — я никому ничего не должен. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/165359-valeriya-kasamara-sostavila-portret-rokoleniya-putina> (дата обращения: 09.06.2020).

Кирдяшкин И. В. Политическая социализация молодежи: эпистемологическое измерение // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 4. С. 185–188.

Коршунова О. С. Педагогические условия политического воспитания школьников в транзитивном обществе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. № 9. С. 48–51.

Лапшин В. А. Кинематограф как фактор политической социализации молодежи // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4. С. 44–47.

- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
- Политика детства и юношества // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 4. С. 489–490.
- Политика семьи и детства в постсоциализме: коллектив. моногр. / под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2014. 260 с. (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»).
- Проект «Мы считаем»: «Российские школьники: политические, сексуальные и карьерные предпочтения». URL: <http://m-p-a.ru/myi-schitaem-2.html> (дата обращения: 09.06.2020).
- Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образы детства и детей в символической политике // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 3. С. 95–112.
- Шестопал Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20.
- Щербинин А. И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины) // АртМаркетинг. 2009. № 4 (28). С. 19–27.
- Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge: Cambridge University Press, 2006a. P. 29–89.
- Alexander J. C. The Civil Sphere. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006b. 816 p.
- Alexander J. C. Trauma: A Social Theory. Malden: Polity Press, 2012a. 226 p.
- Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic // Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life / eds J. C. Alexander, D. Bartmański, and B. Giesen. New York: Palgrave Macmillan, 2012b. P. 25–39.
- Bottici C. Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary. New York: Columbia University Press, 2014. 258 p.
- Bottici C. Imagination, Imaginary, Imaginal: Towards a New Social Ontology? // Social Epistemology. 2019. Vol. 33:5. P. 433–441. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1652861>.
- Cettl R. Terrorism in American Cinema: An Analytical Filmography, 1960–2008. North Carolina; London: McFarland, 2009. 321 p.
- Easton D., Dennis J. Children in the Political System. New York: McGraw-Hill, 1969. 638 p.
- Eisenstadt N. S., Giesen B. The construction of collective identity // European Journal of Sociology. 1995. Vol. 36, iss. 1. P. 72–102.
- Eisenstadt S. N. The Continual Reconstruction of Multiple Modern Civilizations and Collective Identities // Borderlines in a globalized world. New Perspectives in a Sociology of the World-System / eds G. Preyer, M. Bös. Dordrecht, Netherlands: Springer-Science+Business Media, B.V., 2002. P. 3–12.
- Gentile E. God's Democracy: American Religion after September 11. Westport: Prager Publishers, 2008. 189 p.
- Giesen B. Triumph and trauma. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2004a. 196 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // Time & Society. 2004b. Vol. 13, no. 1. P. 27–40. <https://doi.org/10.1177/0961463X04040741>.
- Giesen B. Ambivalent Representations and Fragile Boundaries: Heroes, Victims, Perpetrators // Rethinking the public sphere through transnationalizing Processes Europe and Beyond / eds A. Salvatore, O. Schmidtke and H.-J. Trenz. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 75–90.
- Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51, no. 1, January. P. 63–77.
- Leonard M. The Sociology of Children, Childhood and Generation. London: SAGE Publications, 2016. 184 p.
- Olick J. K. The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016. 517 p.
- Screen Adaptations and the Politics of Childhood: Transforming Children's Literature into Film. London: Palgrave Macmillan, 2018. 286 p.

Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development // Oxford Handbook of Political Psychology / eds D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York: Oxford University Press, 2013. P. 59–95.

Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 342 p.

Завершинский Константин Федорович — д-р полит. наук, проф. ;
zavershinskiy200@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 15 июля 2020 г.;

рекомендована в печать: 21 августа 2020 г.

Для цитирования: *Завершинский К. Ф.* Политическая социализация детей как символическая репрезентация «политики детства» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 3. С. 308–328. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.301>

POLITICAL SOCIALIZATION OF CHILDREN AS A SYMBOLIC REPRESENTATION OF THE “POLITICS OF CHILDREN”*

Konstantin F. Zavershinskiy

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
zavershinskiy200@mail.ru

The article examines the importance of the political socialization of children to ensure generational continuity and stability of political communications. The author supposes that the dominance of the research attitude towards the process of politicization of children as the implementation of the institutional and ideological activity of older generations concerning the age minority limits the ability to understand qualitative changes in contemporary communications. The blurring of boundaries between the “world of childhood” and “adults” in the contemporary society leads to the fact that relations between generations become more complicated and acquire a high degree of variability and arbitrariness. The diversification of symbolic production, the multiplication of actors in contemporary political communications, the growing variability of political ideologies and ways of representing politics, actualizes the study of the political socialization of children as a specific political communication depending on the features of the spatio-temporal design of political events in certain national communities. According to the author, this allows us to take into account the differences in the perception of the significance of certain political events by generations and the peculiarities of the children’s and youth’s positioning concerning the older generation. In this case, the meaning and content of political socialization is not reduced to the process of adaptation of children to the institutions and ideological regimes of “adult society”, but appears as a process of choosing and challenging the collectively significant symbols of the older generation by the younger generation. A decisive role in the study of the political socialization of children is played by the research of the influence of the dynamics of the profiles of the legitimation of national memory, including various competing symbolic representations of images of the past and the future, the typology of the heroic, ideas of guilt and responsibility. The author emphasizes the importance of description and applied analysis of the effectiveness of the symbolic structures of national memory and the role of iconic power in the implementation of politics of children on the example of the US and contemporary Russian cinema. Using the theoretical and practical explications of contemporary cultural sociology as a methodological

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00233 “Cinema images of Soviet and American enemies in the symbolic policy of the Cold War: Comparative Analysis”.

basis, the author proposes a new approach to the study of the political socialization of children and the politics of children in contemporary society.

Keywords: political socialization, politics of children, symbolic representations, national memory, legitimization profiles, iconic power, images of children in cinema.

References

- Aleksander D. S. Democratic Struggle for Power: U. S. Presidential Campaign of 2008. *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2009, no. 1, pp. 62–72. (In Russian)
- Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. *Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*, eds J. C. Alexander, B. Giesen and J. L. Mast, Cambridge University Press, 2006a, pp. 29–89.
- Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2006b, pp. 45–68.
- Alexander J. C. *Trauma: A Social Theory*. Malden, Polity Press, 2012a, 226 p.
- Alexander J. C. Iconic Power and Performance: The Role of the Critic. *Iconic Power. Materiality and Meaning in Social Life*, ed. by J. C. Alexander, D. Bartmański and B. Giesen. New York, Palgrave Macmillan, 2012b, pp. 25–39.
- Assman A. *The time is out of joint? The rise and fall of the temporal regime of Modern*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 272 p. (In Russian)
- Bottici C. *Imaginal politics: images beyond imagination and the imaginary*. New York, Columbia University Press, 2014, 258 p.
- Bottici C. Imagination, Imaginary, Imaginal: Towards a New Social Ontology? *Social Epistemology*, 2019, vol. 33:5, pp. 433–441. <https://doi.org/10.1080/02691728.2019.1652861>.
- Cettl R. *Terrorism in American Cinema: An Analytical Filmography, 1960–2008*. North Carolina and London, McFarland, 2009, 321 p.
- Children's cinema: the formation of a person and a citizen*, eds A. O. Luzhin, A. A. Naumova, I. S. Trifonova, K. M. Kolkova, I. R. Al'mukhametova and D. V. Lavrinenko. Moscow, 2016, 68 p. (In Russian)
- Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. New York, McGraw-Hill, 1969, 638 p.
- Eisenstadt N. S., Giesen B. The construction of collective identity. *European Journal of Sociology*, 1995, vol. 36, iss. 1, pp. 72–102.
- Eisenstadt S. N. The Continual Reconstruction of Multiple Modern Civilizations and Collective Identities. *Borderlines in a globalized world. New Perspectives in a Sociology of the World-System*, eds G. Preyer, M. Bös. Dordrecht, Netherlands: Springer-Science+Business Media, B. V., 2002, pp. 3–12.
- Family and childhood politics in post-socialism*, eds V. Shmidt, E. Iarskia-Smirnova, Zh. Chernovaia. Moscow, OOO «Variant», TsSPGI Publ., 2014, 260 p. (Biblioteka «Zhurnalna issledovaniia sotsial'noi politiki»). (In Russian)
- Gentile E. *God's Democracy: American Religion after September 11*. Westport, Prager Publishers, 2008, 189 p.
- Giesen B. *Triumph and trauma*. Boulder CO, Paradigm Publishers, 2004a, 196 p.
- Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories. *Time & Society*, 2004b, vol. 13, no. 1, pp. 27–40. <https://doi.org/10.1177/0961463X04040741>.
- Giesen B. Ambivalent Representations and Fragile Boundaries: Heroes, Victims, Perpetrators. *Rethinking the public sphere through transnationalizing Processes Europe and Beyond*, eds A. Salvatore, O. Schmidtke and H.-J. Trenz. New York, Palgrave Macmillan, 2013, pp. 75–90.
- Golovin N. A. *Theoretical and methodological foundations of the political socialization study*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, 288 p. (In Russian)
- Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement. *American Journal of Political Science*, 2007, vol. 51, no. 1, January, pp. 63–77.
- Kasamara V. U. *The "Putin generation" often has a vivid paradigm – I don't owe anyone anything*. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/165359-valeriya-kasamara-sostavila-poret-pokoleniya-putina> (accessed: 09.06.2020). (In Russian)

- Kirdiashkin I.V. Political socialization of youth: an epistemological dimension. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2013, no. 4, pp. 185–188. (In Russian)
- Korshunova O. S. Pedagogical conditions of political education of students in a transitional society. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 2006, no. 9, pp. 48–51. (In Russian)
- Lapshin V. A. Cinematography as a factor in the political socialization of youth. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziia*, 2015, no. 4, pp. 44–47. (In Russian)
- Leonard M. *The Sociology of Children, Childhood and Generation*. London, SAGE Publications Ltd., 2016, 184 p.
- Luman N. *Social systems. Outline of General theory*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 648 p. (In Russian)
- Olick J. K. *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 2016, 517 p.
- Politics of children and youth. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 489–490. (In Russian)
- Project “We believe”: “Russian students: political, sexual and career preferences”. Available at: <http://m-p-a.ru/myi-schitaem-2.html> (accessed: 09.06.2020). (In Russian)
- Riabova T. B., Riabov O. V. The images of childhood and children in the symbolic politics. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 95–112. (In Russian)
- Screen Adaptations and the Politics of Childhood: Transforming Children's Literature into Film*. London, Palgrave Macmillan, 2018, 286 p.
- Sears D. O., Levy S. Childhood and adult political development. *Oxford Handbook of Political Psychology*, eds D. O. Sears, L. Huddy, and R. Jervis. New York, Oxford University Press, 2013, pp. 59–95.
- Shaw T. *Hollywood's Cold War*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2007, 342 p.
- Shcherbinin A. I. Construction of the image (on the example of building the concept of the Motherland). *ArtMarketing*, 2009, no. 4 (28), pp. 19–27. (In Russian)
- Shestopal E. B. Quarter-century-long project: study of the images of authorities and leaders in post-soviet Russia (1993–2018). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2019, no. 1, pp. 9–20. (In Russian)

Received: July 15, 2020

Accepted: August 21, 2020

For citation: Zavershinskiy K. F. Political socialization of children as a symbolic representation of the “politics of children”. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 308–328. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.301> (In Russian)